

Антитетические различия в алхимии натужны. Они — свидетельство ученичества, школярского подражания учителю. Для человека Возрождения мастерство — игра, свободная и непосредственная, как танец; *ибо неискусны тот писец и тот музыкант, которые задумываются. Это значит, что они только начали учиться*, говорит Бруно. — *Если искусство — вне материи, а природа и есть материя, то чего же тогда стоят все эти «колесницы фантазий и корабли чепухи, существующие вне телесного мира?»* (1965, с. 186).

Антитетизм вырождается в символизм.

Возрожденческая «бездуховность» с точки зрения средних веков обращивается иной духовностью — богоравностью человека, властного над В с е м. Не без искусства мятежных алхимиков и послушливых христиан, соперничающих друг с другом в пределах целостной и единой средневековой культуры¹⁸.

Что же наступило? В науке о веществе — преддверие механистической химии Парацельса — Ван-Гельмонта (XVI—XVII вв.). В культуре — возрожденческий порыв, универсальный, светящийся. А в алхимическом мышлении — неужели только возврат к алхимической бивалентности неоплатонической поры? Нет, хотя аналогия напрашивается.

В «*Theatrum chemicum*» читаем такой позднесредневековый алхимический пассаж: «*Aelia laelia Crispis*» *есть мое имя. Я ни мужчина, ни женщина, ни гермафродит, ни дева, ни юноша, ни старуха, я ни развратница, ни девственница, но все это, взятое вместе. Я не умираю ни от голода, ни от жажды, ни от яда, ни от всех этих вещей сразу. Я не покаюсь ни на небе, ни на земле, но повсюду. «Locius Agatha Priscius», который не был ни моим мужем, ни моим любовником, ни моим рабом, но всем купно, без горечи, без радости, без слез велел меня похитить, зная и не ведая, для кого этот монумент, представляющий ни пирамиду, ни мавзолей, но оба вместе. Вот могила, не вмещающая в себя трупа, и труп, не заключенный в могилу. Труп и могила составляют одно»* (ТС, 3, с. 744). Николай Барнальд (XVII в.) в комментарии к тексту дает разгадку этого ребуса: зашифрован философский камень. Амбивалентность мировидения всепронизывающа. Она-то и создает иллюзию воссозданного из пепла живого тела, фанатично разрушаемого десять веков, мучимого различающими разъятиями. словно возврат к игровой двойственности алхимических трактатов первых веков новой эры. Но обратите внимание вот на что. Каждый раз динамичность статических равновесий — оппозиций снимается, сводясь к единому: «но все это, взятое вместе»; «но от всех этих вещей сразу»; «но повсюду»; «но всем купно»; «но оба вместе»; но... «составляют одно». Мысль перемещается с легкостью солнечного зайчика, скользящего по земистой шершавой поверхности реального предмета.

¹⁸ И все-таки средневековый алхимик полностью живет в двух мирах. В каждом в отдельности и в двух сразу. Но во всех всецело. В собственно христианском и в околокультурном, оккультном. В этом его антитетически двукультурная природа. Принципиальная бикультурность.